

Абрамова в его «Классе экспрессивной пластики». Проходящие во всех перечнях по разряду драмтеатра, но построенные больше на движении «Пчеловоды» творческой группы «Корабль дураков». Все показы прошли в Московском ТЮЗе. Премьерой можно считать только абрамовский спектакль — он был сделан перед фестивалем. «По-

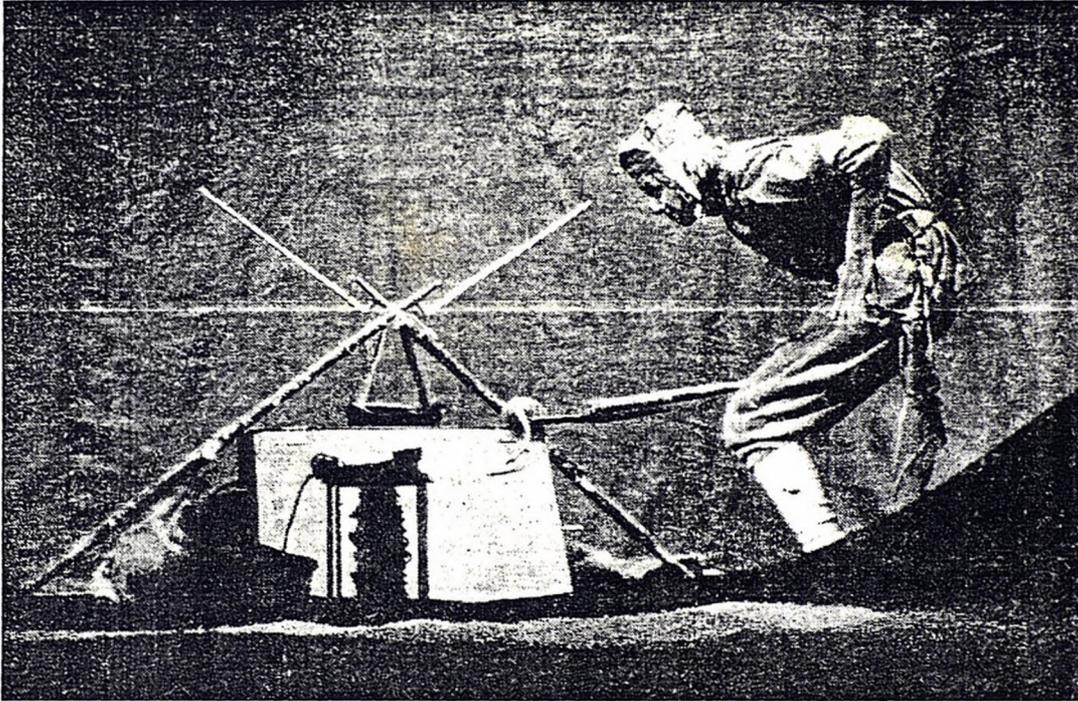
ную тоску по нему. Тотальная неадекватность всего всему как принцип постановки взывала к длинному прошлому подобной художественной традиции — а ей уже под сто. В таком возрасте неминуемо задумаешься о бренности. И постмодернизм уже продекларировал свою смерть. А мать Ежи и Петруччо родила их дважды.

вытянутой руки, и не возникла обшая композиция. Задача была решена, сверхзадача, на самом деле трудно достижимая, — нет.

КОРАБЛЬ ДУРАКОВ

По мнению тех, кто видел «Пчеловодов» раньше, на фестивале был сыгран не самый лучший спектакль. Что неудивительно, ес-

«Пчеловоды»
Москва

В спектакле «Пчеловоды» солдат кормит вшей и ест крыс.
Фото Владимира Луповского

встанческий» проект перманентно тянется с 1997 года как разные вариации одной темы — компакт-диска Андрея Дергачева и Андрея Андрианова «Ежи и Петруччо», а «Пчеловоды» уже получили не только положительные отклики критики, но и приз фестиваля «Московские дебюты» как лучший дебют прошлого сезона.

СМЕХ И СЛЕЗЫ

«Однажды Ежи был собакой. а Петруччо — почтмейстером. Ежи укусил Петруччо. Ежи не отвечал за свои поступки, потому что был собакой. А мать Ежи и Петруччо колотила Ежи и Петруччо, и отца Ежи, и отца Петруччо. А потом решила родить их еще раз. И это ей удалось. Потому что она мать». Под такие и подобные тексты (привет обэриутам!) участники проекта «П.О.В.С. танцев» — режиссер Тарас Бурнашев и Евгения Козлова — импровизируют с палками, отчаянно размахивая ими прямо под носами близстоящих зрителей и тем самым превращая перформанс в хэппенинг: искусственность прикидывается дикарством, и кажется, что испуганное шараханье — часть действия. Есть и женщина в белом, картинно спускающаяся вниз по лестнице, словно примадонна в оперетте. Она (названная в каталоге фестиваля как Людья-Ракета) поет протяжную материнскую песню и отрывает от платья лоскуты, каковые тут же то-

Геннадий Абрамов во вступительном слове к своему спектаклю дал второе название: кроме «Монолог» — еще и «Моногосие». Разница вроде бы небольшая, но она есть. Режиссер точно обозначил задачу и сверхзадачу своим артистам. Задача — импровизация в чистом виде: фонограмму исполнители (стажерская группа Абрамова) услышали лишь накануне, ни один актер не знал, в какой момент музыки он сменит партнера в пластическом монологе, но он должен был адекватно откликнуться на импровизации музыки. Сверхзадача — создание «самоиграющего театра», который будет складываться на глазах публики, если индивидуальности соединятся в группу, а сиюминутность обретет форму.

На что это было похоже? На одиночество в толпе: в этом смысле «Монологи» — очень городской, очень московский спектакль, показ которого, особенно в день города, есть одна из бесчисленных рефлексий на мегаполис. Потенциально интересный эксперимент Абрамова не совсем реализовался из-за неточных отношений артистов с музыкой: там, где по замыслу должно было быть сражение ракурсов тела с его же равновесием, возникли явно непрошенные и довольно буквальные ассоциации, воспроизводились стереотипы, довели изобразительные эмоции с элементарной сюжетности. Мелодрама отношений «он—она», похо-

ли артисты всю ночь перед спектаклем монтируют декорации, а исполнитель роли солдата-окопника, Иван Волков, специально прилетевший из Лондона, где он работает у Славы Полунина, перебарщивает в подробностях, словно Асияей в экстазе. Но для зрителей, впервые побывавших на «Пчеловодах», был, по-моему, праздник. Режиссер Николай Рошин — он окончил РАТИ два года назад — ничуть не боится прослыть романтиком, но с учетом опыта «жесткого» театра века. Он знает, как сделать, чтобы теплота не переросла в тепличный климат. Рошин придумал эксцентрическую притчу о трагикомедии мирового равновесия, здесь смешно сходят с ума и уморительно жрут крыс с голодухи, рай смахивает на ад, а ангел — на беса, и чтобы забраться на небеса, нужно кого-то оттуда свалить на землю. Команда молодых драматических актеров (Олеся Яковлева, Наталья Позднякова, Алексей Блохин, Михаил Горский, Андрей Крылов) разыгрывается так, словно млеет от восторга при воспоминании об институтских уроках сцендвижения и работы с атрибутами. Чего только нет в калейдоскопе по Брейгелю («Падение Икара», «Битва сундуков и копилка», «Пчеловоды и разоритель гнезд») и Босху («Корабль дураков») с киноаллюзиями: от героя чаплинского фильма «На плечо» до Ролана Быкова в «Служили два товарища».